

Г. Ф. Ильин

ДРЕВНЕВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Одной из важнейших составных частей творческого наследия К. Маркса является его учение о смене общественно-экономических формаций. Это учение является методологической основой исследования истории древних обществ в советской и зарубежной марксистской историографии. Однако применение историками древнего мира теории К. Маркса к конкретному историческому материалу не однозначно. Наиболее дискуссионной и в советской науке и за рубежом считается концепция о рабовладельческом характере древневосточных обществ.

Ценность любой научной теории зависит от того, насколько убедительно она отвечает на основные вопросы, которые стоят перед исторической наукой о древности. К таким вопросам, на наш взгляд, можно отнести следующие: 1) каковы основные различия в общественно-экономических отношениях между древностью и средневековьем? 2) почему страны древнего Востока, бывшие передовыми в древности, стали отсталыми сравнительно со странами Европы к концу средневековья? 3) если страны античного мира были рабовладельческими, а страны древнего Востока нет, то чем объясняется такое различие между ними? 4) были ли общества в странах древнего Востока классовыми и если да, то каковы были антагонистические классы и какой класс господствовал? 5) почему в древних цивилизованных странах в целом рабов было больше, чем в средневековых, при этом в древности наибольшее число рабов насчитывалось в передовых странах, тогда как в средние века — в наиболее отсталых? 6) почему буддизм, христианство и ислам («мировые религии») распространились по всему цивилизованному миру только в средние века?

Только теория рабовладельческой формации отвечает на них. С течением времени она освобождается от преувеличений и упрощений, которых не смогли избежать ее первые приверженцы среди советских историков, и ответы ее становятся все увереннее. В этом причина ее жизненности, и пока не создана теория, которая могла бы ее заменить.

Основной объективной причиной продолжающихся споров о классовом характере древних обществ является слабая изученность древнего общества вообще и древнего Востока в особенности. Античный мир все же и изучаться стал раньше и исследовательских усилий было приложено больше, а источники несравненно богаче интересующими нас данными. Можно не сомневаться, что споров было бы куда меньше, если бы каждая древневосточная страна, подобно Греции, имела бы своих Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Демосфена, Полибия, Страбона, Диодора, Арриана, Плутарха, Афинея, или как Италия — своих Тита Ливия, Цезаря, Тацита, Цицерона, Саллюстия, Аппиана, Светония, Юстина, Катона, Варрона, Колумеллу, двух Плиниев, а также Полибия,

Диодора, Плутарха и многих других (указать все невозможно). Но их не было. Некоторым исключением является Китай, но и он, хотя и превышает более чем в 20 раз территории Италии и Греции вместе взятые, все-таки уступает им по численности и достоверности материалов.

Но все же и при том уровне изученности древних обществ Ф. Энгельс в 1891 г. писал: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение и — личности»¹. В. И. Ленин в одной из своих работ в 1919 г., касаясь рабовладельческого общества, отметил: «Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим две тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света»². И действительно, если лучше изученные древние страны были рабовладельческими (Греция, Италия), значит находящиеся на таком же уровне хозяйственного и культурного развития страны древнего Востока тоже должны были быть рабовладельческими. Подобным образом Д. И. Менделеев определял свойства еще не открытого элемента по его месту в Периодической системе. Конечно, общественные отношения, сложнее химических соединений, но Ф. Энгельс, и В. И. Ленин видели перед собой отнюдь не пустые клетки. Данные Библии и античной литературы уже тогда были известны; как отдельные фрагменты плохо сохранившейся старинной картины, которую еще предстоит восстановить полностью, они позволили основателям исторического материализма определить ее масштабы и истинное содержание.

С той поры изучение местных источников все более обогащает наши познания в области общественно-экономических отношений на древнем Востоке, и определяющая роль рабства становится более очевидной. Вместе с тем обнаружилось, что рабовладельческие отношения в древности отличались гораздо большей сложностью и многообразием форм в разных странах и в разные периоды их истории, чем предполагалось ранее.

Начавшийся еще в среднекаменном веке переход от первобытных добывающих форм хозяйства к создающим (от собирательства к земледелию и от охоты к скотоводству) резко ускорился с переходом человечества к веку металлов. По своим природным условиям (климат, наличие особо удобных для использования земель, обилие разнообразных полезных ископаемых, а также дикорастущих злаков, пригодных для культивирования, и животных, поддающихся одомашниванию) наиболее благоприятной в тот период истории для проживания и хозяйственной деятельности людей явилась полоса стран в пределах зоны северных субтропиков Восточного полушария между 20 и 40 параллелями. Древняя история человечества развивалась именно здесь. К концу периода древности эта субтропическая зона от Атлантического до Тихого океана была в основном, хотя и в неравной мере, освоена и заселена цивилизованными народами. За период древности весь мир коренным образом переменялся, и основную роль в этом сыграли народы древнего Востока.

Важнейшим производственно-техническим достижением народов древнего Востока было освоение добычи и обработки металлов — золота, серебра, меди, многочисленных ее сплавов и, наконец, железа. Применение металлических орудий труда вместо каменных решительно изменило характер производства и создало материальную основу для возникновения и развития цивилизации.

Главной сферой хозяйственной деятельности в странах древнего Востока было сельское хозяйство. Земледелие, начавшее возникать здесь в X—IX тыс. до н. э., способствовало окончательному переходу к оседлой жизни, появлению постоянных поселений и городов. Большинство

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 348—349.

² Ленин В. И. ПСС., т. 39, с. 70.

земледельческих культур, возделываемых в настоящее время (пшеница, рис, ячмень, просяные и бобовые разных сортов, множество видов овощей и плодовых деревьев, финиковые и кокосовые пальмы, сахарный тростник, виноград, хлопок, джут, лен, конопля, естественные красители), было освоено еще древневосточными народами. Для искусственного орошения сначала использовались разливы многоводных рек, а затем возведение инженерных сооружений позволило использовать для этого и небольшие реки. В большинстве цивилизованных стран древнего Востока животноводство играло подчиненную роль по отношению к земледелию, но и в этой отрасли достижения были велики. Несмотря на колоссальный прогресс во всех областях производства, человечество за последние полторы тысячи лет не добавило ни одного важного вида домашних животных к тем, которые были известны еще древним скотоводам.

Особой отраслью экономики, отделившейся от сельского хозяйства, стало ремесло. Сельское хозяйство по объему продукции и количеству работников продолжало преобладать, но ремесло было значительно динамичнее, и удельный вес его все время возрастал. В нем прежде всего проявлялся технический прогресс, быстрее росла производительность труда. Именно ремесло производило все более совершенные орудия труда — инструменты, хозяйственный инвентарь; были созданы колесо, гончарный круг, пресс, подъемные и метательные механизмы, водоподъемные устройства, мельницы, транспортные средства — сухопутные, речные, морские. Особое значение имело совершенствование оружия, оказавшегося в первую очередь в руках эксплуататоров и способствовавшего укреплению их власти и удержанию в подчинении эксплуатируемых. Развивавшееся домостроение (сооружение жилищ, храмов и общественных зданий), производство предметов домашнего обихода, одежды, обуви, украшений, обработка пищевых продуктов — все это в растущем количестве, качестве и ассортименте создавало совершенно новые условия для жизни людей.

Резко выросли потребности людей в хозяйственном и культурном общении. Строятся дороги через горы и пустыни, прокладываются морские маршруты. Колесный и вьючный транспорт, путешествия на судах, способных перевозить десятки и сотни пассажиров с грузами, сблизили народы, ранее даже не подозревавшие о существовании друг друга, позволили им обмениваться продуктами своего труда, знаниями, опытом и идеями. Еще в то время восточные народы прославились своими плаваньями вокруг Африки, между Африкой и Индией, Индией и Китаем.

Изучение древневосточного общества показывает, что правильное в своей основе положение о натуральном характере древней экономики нуждается в ограниченном толковании. Производство материальной продукции, предназначенной для обмена, существовало уже на заре цивилизации. Проблема получения недостающих видов продовольствия или жизненно важных видов сырья (камня, металлов, древесины и пр.) и изделий из них в течение всей древности оставалась в той или иной мере актуальной для всех обществ, и необходимость ее решения требовала иногда самых решительных мер. Рост производительности труда также приводил к развитию торговли и выделению ее в самостоятельную отрасль экономики. Промышленная и сельскохозяйственная продукция одних народов доставлялась другим народам за сотни, а иногда за тысячи километров по постоянным и достаточно освоенным путям, содействуя упрочению международных связей и обмену культурными ценностями. Свидетельством развития товарного производства явилось возникновение денежных отношений с различными и иногда сложными ростовщическими и кредитными операциями, а также денежных систем, в том числе в монетной форме. Наиболее ярко развитие экономики проявилось в возникновении и расцвете городов. Они стали не только местами сосредоточения ремесла и торговли, но и административными центрами, а также основными

очагами культуры: здесь развивались художественные ремесла, архитектура, искусство, создавались образовательные учреждения и библиотеки.

Отметив все эти достижения древности, надо подчеркнуть, что в основном они были результатом расточительного использования природной среды и рабочей силы. Эпохе древности соответствует особый этап в развитии производительных сил, отмеченный использованием в качестве материала для производства орудий труда металла (а не камня), но основным источником энергии в производстве все еще оставалась мускульная сила человека и отчасти животных. Это определяло особую заинтересованность организаторов производства в возможно большем количестве людей и в максимальной степени их подчиненности.

Этим древность принципиально отличается от средневековья, в котором начинается широкое применение в промышленности механических двигателей, использующих природные источники энергии (падающей воды, ветра). Они возникли еще в конце древности, но применялись только для помола зерна и то редко вследствие обилия подневольной рабочей силы. В средние века эти машины-двигатели распространились в огромном числе и стали приводить в движение мельницы, маслобойки, насосы, воздуходувки, глиномялки, рудодробилки, лесопилки, сукновальни, толчеи и т. д., т. е. освобождали многие миллионы работников от труда самого изнурительного и монотонного, в древности — удела рабов. Благодаря машинам возникли такие неведомые в древности производства, как шахтная добыча каменного угля и руд, доменное и прокатное производство, изготовление бумаги, книгопечатание, машиностроение и приборостроение (станки, машинные насосы, механические часы, компасы, микроскопы, подзорные трубы, телескопы) и многое другое. Производство пороха и огнестрельного оружия также было возможно только на техническом уровне, принципиально отличном от древнего. И естественно, что в средние века производительные силы потребовали иного работника, чем в древности, иных форм организации труда и иного общественного строя.

История первобытности неразрывно связана с совершенствованием мыслительных способностей человека. Усложнявшаяся и обогащавшаяся трудовая и социальная практика способствовали накоплению опыта, расширению кругозора, все более правильному восприятию и познанию окружающей действительности. Это приводило к развитию абстрактного мышления с использованием общих понятий и к систематизации явлений. Зарождение цивилизации явилось поворотным и в этом отношении, о чем свидетельствует возникновение письменности, характеризующее переход общества от первобытности к цивилизации — к гражданскому обществу с классами и государством. В древности возникают и развиваются естественные науки; некоторые из них очень рано начинают приобретать самостоятельное значение (математика, астрономия, медицина). Усложнение общественных условий приводит к появлению социальных наук (языкознание, правоведение, искусствоведение, теория военного дела). Обострение борьбы в области идеологии привело к возникновению политических наук, философии. Расширение духовных потребностей людей вызвало к жизни появление художественной литературы, театра, профессионального изобразительного искусства, музыки, танца.

Общество оказалось в состоянии уже в древности материально обеспечить людей, имевших призвание в какой-либо сфере творческой деятельности, с тем чтобы они могли совершенствоваться в ней. Произошло отделение труда умственного от труда физического. Культурная деятельность древней интеллигенции в свою очередь способствовала дальнейшему творческому развитию личности, а во многих случаях оказывала и непосредственное воздействие на производство — в строительном деле, мореплавании, ирригации. В истории развития культуры не было народов пассивных, только воспринимающих чужие достижения и неспособных к самостоятельному творчеству. Каждый из них внес в нее свой вклад. И все же

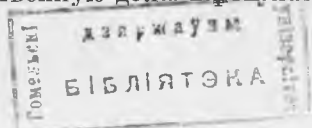
благодаря взаимодействию ряда благоприятных обстоятельств возникали особо крупные очаги цивилизации, аккумулировавшие основные достижения окружающих народов и оказывавшие на них обратное воздействие.

Возникновение земледелия и скотоводства создало необходимые предпосылки для революционного изменения всего строя жизни людей, для создания цивилизованного общества. Но они реализовались только после овладения техникой получения и обработки металлов и в результате соединения создающих форм сельского хозяйства с использованием металлических орудий труда. При этом основные очаги ранней цивилизации возникали не в разрозненных древнейших местах зарождения земледелия, а в обширных долинах больших рек. В Африке таким очагом стала с IV тыс. до н. э. долина Нила по его нижнему течению. Сложившаяся здесь культура древнего Египта оказала огромное влияние не только на соседние страны Африки (Нубию, Ливию), но и Передней Азии, а позже и Южной Европы. В Азии можно указать три таких очага. В Передней Азии — Двуречье, низовье рек Тигра и Евфрата, где возникновение цивилизации также относится к IV тыс. до н. э. Культура возникшего здесь древнего Шумера (письменность, научные знания, литература), формы общественного строя и государственности, а также религия в большей или меньшей мере вошли в основной фонд строя жизни всех народов этого региона. Долина Инда с III тыс. до н. э. играла подобную роль для народов Южной и Юго-Восточной Азии, отчасти Центральной и Средней Азии. Влияние этого культурного очага в поздний период древности (в первые века н. э.) испытал даже отдаленный Китай, а через его посредство Корея и Япония. Для племен и народностей, населявших нынешний Китай, основным очагом с II тыс. до н. э. стала область по среднему течению Хуанхэ и ее притоку Вэйхэ. Здесь сложилось ядро той культурно-этнической общности, которая развилась потом в ханьскую народность с ее своеобразной культурой и образом жизни. Отсюда распространялось ее культурное влияние на соседние территории — Центральную Азию, Корею, Японию.

Эти очаги, несмотря на все превратности исторических судеб, испытывая в свою очередь обогащающее влияние окружающих культур, постепенно расширялись, пока не слились в сплошную зону древневосточных цивилизаций. При этом уровень развития народов, оказавшихся в этой зоне, значительно выравнивался, но местные различия экономического, социального и культурного характера оставались весьма существенными.

Развитие экономики и культуры изменило не только образ жизни людей, но и характер отношений между ними. Древнейшие первобытнообщинные отношения людей, живших родовыми коллективами, основанные на нераздельной собственности на средства производства, на общем труде и уравнительном распределении, перестали соответствовать новым условиям. Рост производительности труда привел к появлению прибавочного продукта, а вместе с ним и первой предпосылки для эксплуатации человека человеком. Рост производительности труда вел также к ослаблению внутриобщинных связей, к стремлению отдельных семей обособиться, к разложению коллективной и возникновению частной собственности на средства производства. Так возникла вторая основная предпосылка для появления эксплуатации.

Процесс имущественной дифференциации — выделения богатых и сильных родов за счет основной массы общинников, начавшийся еще в период неолита, протекал медленно и малозаметно для участников всех этих событий, но он приводил постепенно и к общественной дифференциации. Более богатые и сильные роды узурпируют исполнение важнейших социальных функций — управления, военного дела, культовых обязанностей — и это становится их привилегией. Возникают представления о знатности, обеспечивавшей сильным («знатным») родам право на преимущественную долю в результатах коллективного труда и занятие руково-

дящих должностей вследствие приписываемой ими себе особой сущности («благородства») и положения в родо-племенной иерархии. Появляются и люди, лишенные средств производства и вынужденные работать на других. Это была третья необходимая предпосылка для возникновения эксплуатации.

На месте общественного равенства возникают отношения с классовыми и сословными различиями. Слабеет солидарность, основанная на родстве, возникает социальная солидарность, основанная на общности имущественных и общественных интересов. Племенная аристократия начинает чувствовать себя теперь зачастую ближе к аристократии других племен, чем к своим рядовым соплеменникам. На место коллективов, связанных родством, т. е. сформировавшихся еще в значительной мере по биологическому признаку, становятся коллективы не только более многочисленные, но и основанные на иных, социальных общностях — экономической, территориальной, политической: родовая община медленно и постепенно перерастает в соседскую, племена объединяются в народности. Родовое общество сменяется гражданским, биологические факторы при формировании и развитии человеческих коллективов все больше отступают на второй план перед социальными закономерностями, которые становятся господствующими в истории человечества. Вместе с тем пережитки родо-племенных отношений и норм, традиции и представления (объединяемые иногда общим понятием «традиционализм») оказались очень стойкими; они слабели медленно и постепенно в течение древности и далеко за ее пределами, сохраняясь в некоторых случаях вплоть до наших дней. Важнейшим носителем этих пережитков являлась семья. В большинстве случаев она уже к концу первобытности была патриархальной с деспотической властью ее главы и в дальнейшем развивалась от большой семьи к малой. Изменения в общественном строе оказывали сильнейшее воздействие и на семейные отношения, поскольку семья оставалась элементарной хозяйственной и социальной ячейкой общества. Но так как в основе семьи сохранялись нерушимые биологические связи родства, то внутрисемейные отношения отличались большой прочностью.

Развитие имущественного и общественного неравенства привело к возникновению зависимости одних членов общества от других в производственных отношениях, к эксплуатации. Крайней формой зависимости, при которой лишенный средств производства труженик терял право собственности на свою рабочую силу и результаты своего труда, было рабство. Завершенным правовым выражением такой зависимости являлась экспроприация его личности, т. е. распространение частной собственности на основную производительную силу общества — на человека. Эксплуатация трудящегося человека на основе присвоения его личности стала типичной, хотя и не единственной формой эксплуатации в древнем мире. По производственным условиям древности физический труд был тяжким бременем, и хотя творческое удовлетворение от хорошо сделанной работы труженику было не чуждо и тогда, однако, как только с развитием производящих, создающих форм хозяйства и появлением прибавочного продукта возникла возможность переложить это бремя на другие плечи, такая возможность стала широко использоваться. Ранее племя, побежденное в борьбе за территорию, охотничьи или рыболовецкие угодья и пр., просто изгонялось или истреблялось. Теперь же человек стал таким же объектом захвата, как скот на войне и на охоте, и такой же собственностью удачливого воина и охотника, как и животные. Он представлял собой более желанную добычу из-за своей способности не только облегчать чужой труд или повышать его производительность, как другие домашние животные, но и освобождать своего хозяина от необходимости трудиться вообще.

Возникновение в недрах первобытного общества уже первых элементов рабства было свидетельством далеко зашедшего в нем процесса разло-

жения. Эти первые элементы рабства играли роль активнейшего реагента, в свою очередь ускорявшего происходившие процессы имущественной и общественной дифференциации, развивавшейся в направлении укрепления рабства. Естественным следствием развития собственности на человека явилось превращение его в объект купли-продажи. Когда это становилось нормой в том или ином обществе, это свидетельствовало о зрелости рабовладельческих отношений. Все экономические, политические, семейные отношения, идеологические воззрения, системы правовых норм и морально-этических ценностей — все начинало определяться доминирующим общественно-экономическим фактором: *один человек может продать и купить другого человека, как и всякую другую вещь*. Возникновение и развитие ранних цивилизаций происходило в неразрывной связи с возникновением и развитием рабства, явившегося главным орудием истории в разрушении традиционных родо-племенных отношений и становлении гражданского общества, социальной базой которого оно оставалось на протяжении всего периода древности.

Основой рабовладельческого способа производства является собственность эксплуататора и на средства производства и на самого работника. При этом эксплуататор в процессе производства присваивает себе не только прибавочный продукт (как в других формах эксплуатации), а все результаты труда работника, и отдает ему не общественно необходимый продукт, а биологический минимум. Этот минимум был тем выше, чем севернее была страна, так как даже в умеренных широтах и летом нужны одежда, обувь и теплое жилище; зимой же минимальные жизненные потребности работника вырастают многократно, тогда как использование его рабочей силы в условиях преобладающего сельскохозяйственного производства заметно снижается. Поэтому, хотя рабство в умеренной зоне также было известно, но вполне сложившиеся рабовладельческие общества там не возникали и возникнуть не могли: в Европе, например, они появились только на ее южной окраине и сравнительно поздно. Рабский труд в умеренной зоне был или невыгоден, или выгоден столь незначительно, что его широкое применение не оправдывало возникающую при этом в обществе социальную напряженность. Производство прибавочного продукта, достаточного для возникновения эксплуататорского общества, началось позже, на другом уровне производительных сил и потребовало другого работника, а также иных форм производственных отношений — феодальных. В субтропической зоне дело обстояло иначе. Здесь биологический прожиточный минимум человека оказывался значительно ниже (необязательность одежды, обуви, теплого жилища), а использовать его рабочую силу можно было круглый год. Но и здесь условия были не везде одинаковы. Первые очаги цивилизации возникали в странах, наиболее благоприятных для энеолитического земледелия, а по мере дальнейшего развития производительных сил и в странах, менее благоприятных в природном отношении.

В древности обладание рабом, этим самым совершенным живым рабочим механизмом, а не землей, скотом или инвентарем, в наибольшей мере обеспечивало хозяину не только возможность избавиться от исполнения наиболее тяжелых, опасных или ритуально нечистых работ, но и от необходимости трудиться вообще. При этом, как уже отмечалось выше, рабы при распределении результатов труда не получали общественно необходимого продукта, поэтому класс рабов восстанавливал себя не полностью, и даже при простом воспроизводстве требовалось постоянное пополнение класса рабов за счет порабощения свободных. Таким образом, не только порабощенный человек оказывался наиболее ценным имуществом за свою способность создавать прибавочный продукт, но и свободный при определенных условиях становился потенциальным рабом, наиболее желанной добычей, объектом захвата силой или мирными средствами. Именно в рабовладельческом обществе военнопленные и мирное население неприятельской

страны порабощались в силу захвата, как и всякая другая добыча на охоте, порабощался неоплатный должник, осужденный преступник становился государственным рабом, глава семьи мог продать, купить и заложить жену и детей, всякий свободный мог себя продать, заложить, подарить. И все это с поразительным единообразием повторялось во всех цивилизованных странах древности, даже несколько не связанных между собой. Указанное обстоятельство, так же как очевидная повторяемость во всем древнем мире основных этапов развития рабства от самых примитивных до самых законченных («классических») его форм, подтверждает закономерность его возникновения и существования как социального института в любом обществе на определенной стадии его развития.

Родовая община еще долго сохраняется на периферии рабовладельческих государств или в отсталых и глухих районах. Соседская же, основанная на гражданских связях (территориальная и административная общность, производственные и социальные связи, представительство перед государством и пр.), становится составной частью рабовладельческого строя. Условия жизни и производства были еще трудными и не позволяли большинству семей жить и трудиться независимо от других; наряду с пережитками коллективной собственности все еще сохранялась потребность в производственной взаимопомощи и в социальной солидарности. Огромную роль играл также унаследованный от первобытнообщинного строя и глубоко укоренившийся социальный инстинкт коллективизма. Поэтому всякая группа лиц, имеющих сходные производственные и социальные интересы, тяготела к образованию сплоченной общности. Принадлежность к той или иной гражданской общине была важнейшим фактором, определяющим место древнего человека в обществе. Община давала своим членам весьма ценные права (на участок земли, на занятие определенным видом деятельности, на долю общих доходов и пр.), обеспечивала древнему человеку правовую защищенность, уверенность в себе и осознание своей социальной значимости. Утратив общинные связи, древний человек терял и свое гражданское лицо и оказывался в опасной близости к рабскому состоянию. Только высшие слои господствующего класса чувствовали себя более уверенно и быстрее других отказывались от общинной организации.

Общинные отношения в городах (особенно крупных) видоизменялись или вовсе распадались быстрее, чем в деревне, так как город был основным центром развития рабовладения и товарного производства. Сельская же община оказалась более прочной, но и она проделывала тот же путь развития, только в замедленном темпе: и в ней происходило разделение на полноправных и неполноправных (обезземеленных) общинников, выделение общинной верхушки, проникновение в нее рабства. Наряду с сельскими общинами, естественно выросшими из родовых, были и общины, возникшие в результате объединения осколков родовых общин, распавшихся вследствие вражеских нашествий, стихийных бедствий и пр. Новые общины создавались также государством на вновь освоенных или завоеванных землях; создание таких общин часто сопровождалось насильственным переселением больших масс людей. Наличие различных типов общин, от совсем первобытных до сложных соседских, превратившихся в коллективных эксплуататоров и объединения мелких рабовладельцев, — характерная черта древнего общества.

Рабство складывалось в различных странах в неодинаковых условиях и приобретало иногда весьма несходные формы даже в одной стране. Имели значение многие обстоятельства: является ли раб соплеменником хозяину или чужестранцем; принадлежит он частному лицу, храму, общине или государству; используется его труд в сельском хозяйстве, ремесле, горном деле, строительстве или в непосредственном услужении; трудится он в отряде под надзором надсмотрщика или на выделенном ему особом участке работы; квалифицированный он работник или нет; постоянный он раб или временный и т. д. В зависимости от этих и многих подобных ус-

ловий положение рабов оказывалось очень различным. Класс рабов, как правило, состоял из многих слоев, прослоек, групп или фракций, нередко внешне настолько несходных, что установить их классовую общность можно только после тщательного анализа и руководствуясь основным определением: раб — человек с экспроприированной личностью: лишенный средств производства, несобственник своей рабочей силы и результатов своего труда, не являющийся субъектом права.

Наиболее полно этому определению соответствовали урожденные частные рабы, бывшие в большинстве случаев эталоном рабского состояния («классические» рабы). Но они далеко не всегда составляли большинство. Часто значительные количества рабов принадлежали государству, храмам, общинам и т. п. Использование рабского труда здесь имело свои особенности. Некоторые рабы (типа плотов) вели индивидуальные хозяйства, которые они имели и раньше, до порабощения. Другим в государственных и храмовых хозяйствах иногда выдавали за работу не прокорм, а небольшие участки земли, чтобы рабы сами заботились о прокормлении себя и своих семей, если им разрешалось иметь их. Эти рабы, как правило, были больше защищены от произвола, чем частные рабы. Но и частные рабы иногда (особенно к концу древности) с допущения своего хозяина вели индивидуальное хозяйство и имели возможность вступать (в пределах, установленных опять-таки хозяином) в отдельные хозяйственные и социальные связи с другими членами общества.

Довольно часто таких рабов путают с крепостными крестьянами, на которых они внешне похожи. Но различия между ними (как между имуществом и гражданином) носят принципиальный характер. Крепостной имел в собственности орудия труда, раб или их не имел или только владел ими. Повинности крепостного (барщина, оброк и пр.) определялись законом и обычаем, повинности раба — волей господина. После уплаты ренты крепостной сам распоряжался оставшейся продукцией, а раб получал только прокорм, размер которого определялся его хозяином по своему усмотрению. Короче говоря, никакого «своего», «самостоятельного» хозяйства раб в отличие от крепостного не вел; оно было только филиалом рабовладельческого хозяйства, одной из форм использования рабского труда. Столь же отличным было общественное состояние обоих. Крепостной был членом гражданского общества, его личность, имущество, семья защищались законом, он подвергался налоговому обложению и был юридическим лицом; раб же был лишен личности, единственным источником закона для него был господин и его воля; юридическим лицом раб мог быть только представляя интересы хозяина или действуя по его допущению.

С «классическими» рабами не во всем были сходны обращенные рабы — долговые, закабаленные, продавшие себя, временные и т. д., еще сохранявшие в первом поколении некоторые семейные и родовые связи, а следовательно, и те или иные права в соответствии с их прежней сословной принадлежностью и фактическим положением до порабощения (право на жизнь, на выкуп, на освобождение после достижения определенного срока, на наследование имущества родственников и др.). Сами же рабы, если судить по данным Китая и Индии, особого сословия не составляли и составлять не могли, если сословием считать группу лиц, обладающих установленными обычаем и законом одинаковыми правами и обязанностями перед обществом и государством. Раб в принципе не обладал никакими гражданскими правами и не нес никаких гражданских обязанностей: им распоряжался только его собственник.

Далеко не единым был по своему составу и господствующий класс рабовладельцев. Основа его состояла из членов царского рода, столичной родо-племенной и служилой знати, столичного жречества, местной родо-племенной и служилой знати, собственников крупных имений, промышленных и торговых предприятий. Но многие рядовые свободные также имели по несколько рабов: зажиточные ремесленники и торговцы, состоятельные

сельские общинники, мелкое профессиональное жречество, войсковой командный состав невысоких рангов и даже рядовые воины и пр. И все эти общественные слои, организованные по родо-племенному, сословно-кастовому или религиозному признакам, будучи едиными в главном — в отношении к рабам, могли решительно расходиться по всем остальным общественным, политическим и экономическим вопросам, и борьба между ними никогда не прекращалась, принимая иногда очень острые формы.

Ремесло, как уже отмечалось выше, было более динамичной сферой экономики, чем сельское хозяйство, но значение его на протяжении всего периода древности росло медленно. Оно и в общественном мнении считалось менее престижным, и в ремесленники шли в основном обезземеленные общинники, отпущенные рабы и иноплеменники. В большинстве стран только немногие промышленники и кушцы добивались заметного положения в обществе; основная же масса ремесленного и торгового люда так и не достигла общественного положения, соответствующего ее экономическому значению. Кроме них в городе и деревне находилось большое число тружеников, частично или полностью лишившихся средств производства, утративших общинные связи, экономическую самостоятельность и вынужденных работать на других: малоземельные батраки, арендаторы, издольщики, поденщики, постоянные наемные работники и домашние слуги, подмастерья, а также фокусники, актеры, лекари, музыканты и пр. Положение их в разных странах и в разное время было неодинаковым, но общим для них была гражданская неполноправность; граница между ними и рабами была особенно непрочной и иногда с трудом определяемой. В повседневной жизни и труде различия между ними и рабами не всегда оказывались заметными. Они существовали как резерв рабочей силы в рабовладельческой экономике на протяжении всего периода древности. Ведь рабовладельцы стремились иметь в своих хозяйствах только такое количество рабов, какое они могли занять круглый год. Хозяйствам же, особенно земледельческим, часто требовались временные работники: их можно было содержать только тогда, когда они были нужны, и представлять им самим заботиться о себе и своих семьях, когда необходимость в них отпадала. Наемный труд в древности имел особый характер. Даже постоянные наемные работники были таковыми не только в силу экономических причин, но и вследствие сословной или кастовой принадлежности при традиционно существующих условиях работы и нормах оплаты труда; во многих же случаях наемными работниками оказывались оброчные или временные рабы. Поэтому их нельзя смешивать с пролетариями капиталистического общества, лишенными средств производства свободными продавцами своей рабочей силы на рынке труда.

Таким образом, общество в странах древнего Востока всегда было сложным по составу и представляло собой систему различных классов, межклассовых и внутриклассовых слоев, прослоек, групп и фракций. Определение его формационной принадлежности является главной и самой сложной проблемой. Как это обычно в таких случаях и бывает, именно она и вызывает наибольшие споры. До сих пор в некоторых работах подход к решению этой проблемы остается механическим и сводится к попыткам установить численное соотношение между рабами, с одной стороны, и всем прочим населением, с другой. На этом вопросе следует остановиться особо. Серьезное обоснование того, каким должно быть соотношение, чтобы общество можно было уверенно назвать рабовладельческим, никем не предложено, однако в большинстве случаев исследователи исходят из предположения (не всегда, впрочем, высказывая это прямо), что рабы должны составлять примерно половину населения. Точных данных, которые помогли бы сразу же решить спор в любую сторону, нет и, наверно, никогда не будет. И все же показать поверхностность и произвольность приведенного подхода нетрудно. Его нарочитость проявляется в том, что

он не применяется при оценке характера других формаций³. Кроме того, оппонентами упускается из виду ряд социальных и демографических обстоятельств. Нельзя забывать, например, что рабовладельческий сектор общества состоял не только из рабов, но и из рабовладельцев, и одни не могли существовать без других; учет этого обстоятельства резко меняет всю картину. Кроме того, доля работоспособных среди рабов всегда гораздо выше, чем среди свободных, вследствие меньшего числа у первых детей и стариков. К тому же доля рабского труда в производстве гораздо выше в любом хозяйстве даже при равном со свободными числе работников; свободные мужчины были заняты распределением работ, контролем, учетом, хранением, сбытом, участвовали в общественной жизни сограждан и сородичей (собрания, праздники, свадьбы, поминки и пр.), в религиозном культе; свободные женщины, обремененные семейными заботами, в производстве или не участвовали, или во всяком случае работали много меньше, чем рабыни. И, наконец, свободные мужчины были воинами, государственными служащими, жрецами, торговцами и пр. Если для исполнения этих функций привлекались иногда и рабы, то только тогда, когда их становилось столь много, что часть их можно было использовать и в службах, не связанных с материальным производством, или ближе к концу древности и в средние века, когда физический труд рабов не ценился так высоко, как прежде. При учете всех этих обстоятельств соотношение между численным составом рабов и свободных в населении и долей их труда в общественном производстве должно неизбежно и решительно расходиться.

Примем за среднее хозяйство такой семьи, которая состоит из пяти человек свободных (муж, жена и трое детей) и трех рабов (мужчина, женщина и ребенок). Рабовладельческий характер такого хозяйства не может вызвать сомнений. С точки зрения наиболее строгих оппонентов общества, сплошь состоящее из таких хозяйств, не может считаться рабовладельческим, так как в нем всего лишь 37,5% рабов, а между тем оно идеально рабовладельческое, поскольку состоит только из рабов и рабовладельцев. Если бы такие хозяйства составляли 50 и даже 40% общего их числа, то и в этом последнем случае в обществе должен господствовать рабовладельческий сектор, поскольку в него входит большая часть населения (51,6%), и рабовладельцы распоряжаются большей частью основной рабочей силы и валового общественного продукта. А между тем рабы в этом обществе будут составлять только 19,3% всего населения, в четыре раза меньше свободных. При этом не учтены все перечисленные выше специфические для древнего общества обстоятельства — наличие среди свободных служащих госаппарата, воинов, жрецов и т. д., так что доля рабов может оказаться много меньшей, а класс рабовладельцев тем не менее будет господствующим. И действительно: даже семья, имеющая только одного раба, — рабовладельческая. Труд этого раба может быть, а может и не быть главной основой материального благополучия семьи (в зависимости от многих конкретных обстоятельств), но в ней имеется не один «кормилец», а два, причем второй (раб) трудится наверняка больше первого (хозяина). И что, пожалуй, еще важнее для всего ее образа жизни, мыслей и чувств, — она имеет в собственности человека. В обществе, наполовину состоящем из таких семей, будет господствовать рабовладельческий сектор, но рабы будут составлять только 9% населения. Возможно, не все согласятся с тем, что его можно считать вполне сложившимся ра-

³ Ни у кого не вызывает сомнений, например, капиталистический характер общественного строя наполеоновской Франции в начале XIX в., а между тем доля работников наемного труда в самостоятельном населении этой страны была ничтожной. В той же Франции еще в 1950 г. (полтора века спустя) пролетариат составлял 45% населения, в Италии — 39%, в Японии — 36%. В России в 1913 г. доля рабочих и служащих в самостоятельном населении составляла всего 17%.

бовладельческим, но вряд ли кто-нибудь решится назвать его первобытнообщинным.

При этом далеко не все, кого мы называем свободными, действительно были таковыми, и на это уже обращалось внимание ранее. Невозможно будет понять древность, если не учитывать, что в рабовладельческом обществе между рабовладельцами и рабами находился ряд промежуточных состояний, и стоящие на нижних ступенях этой лестницы, не будучи рабами, стояли иногда ближе к рабам, чем к свободным. Если не всякого несвободного следует считать рабом, то и не всякого нераба — свободным и антагонистом рабу. Надуманным является и условие, согласно которому рабы должны составлять большинство работников в решающей для данного общества отрасли хозяйства. История не подтверждает закономерности такого условия ни для древности, ни для других эпох ⁴.

Одна из трудностей определения классового состава населения в древности заключается в том, что рабы находились вне гражданского общества, и упоминания о них неизбежно должны были находиться чаще всего в ряду упоминаний о всяком другом имуществе — о домашнем скоте, плугах, ткацких станках и пр., точного числа которых мы обычно тоже не знаем. Другой трудностью является частое наименование рабов в источниках только по роду их занятий — слуга, носильщик, пахарь и т. д.; современникам и так было ясно, о рабе идет речь или нет, а нам далеко не всегда. И в настоящее время обычно не требуется точное определение классового положения работника, которого мы называем шахтером, машинистом, ткачихой, матросом, строителем и др. И все же именно в древних источниках часто сообщается о десятках тысяч порабощенных военнопленных или мирного населения страны, подвергшейся завоеванию, об огромном количестве рабов, использовавшихся на строительстве и в горном деле, рассказывается о порабощении по суду или за долги, о дарениях многих тысяч рабов храмам, говорится о сотнях рабов, бывших частной собственностью отдельных лиц и т. д. Все приведенные выше соображения не имеют целью обосновать какую-то другую, меньшую норму численности рабов вместо явно несостоятельной «половинной нормы». Цель была другая: показать невозможность и несостоятельность попыток определить классовый характер древнего общества только на основе установления численной доли рабов в населении. Сама система оценок должна быть иной.

Формационный характер каждого общества вполне может определяться тем, какой класс является в нем гегемоном. Если он господствует социально, политически и идеологически, значит он господствует и экономически, так как базис и надстройка (кроме переходных периодов) не могут существенно отличаться. Именно так до сих пор историки определяют характер тех обществ, как средневековья, так и Нового времени, о которых нет достаточных экономических данных. При отсутствии точных статистических данных о распределении общественных богатств, об удельном весе различных общественно-экономических укладов и классовом составе населения решить вопрос о том, является ли то или иное общество рабовладельческим, можно при наличии или отсутствии у него суммы следующих признаков: 1) наличие рабов в собственности у всех состоятельных людей и даже у свободных скромного достатка и низкого общественно-го положения; 2) порабощение военнопленных и угон в рабство в качестве военной добычи больших масс мирного населения; 3) общепринятая и узаконенная практика обращения в рабство осужденных преступников и не-

⁴ Так, в той же России в 1913 г. сельское хозяйство давало 58% валовой материальной продукции, и в нем было занято в основном еднородное крестьянство, составлявшее 65,1% населения страны, а не пролетариат; к тому же и в промышленности значительную часть работников составляли ремесленники и кустари.

оплатных должников; продажа и заклад свободным себя и членов семьи, рабовладельческая коммендация; 4) наличие утвердившейся системы коммерческих сделок, где рабы уподоблялись другому имуществу (продажа, покупка, заклад, дарение, передача по наследству и т. д.); 5) случаи одновременного производственного применения труда десятков и сотен рабов в государственных, храмовых и частных хозяйствах; 6) существование гражданской общины (сельской, городской, храмовой, монашеской) как характерной структурной единицы общества; 7) хищническое отношение к рабу не как к человеку, а как к имуществу, лишенному гражданского лица, а к свободному — как к объекту захвата, как к потенциальному рабу; 8) господство локальных («номовых») религий с преобладанием в них унаследованных от первобытности магических верований и жертвенной обрядности, с освящением в них общественного неравенства и государства, с отлучением в той или иной мере от религии.

Все эти признаки могут быть присущи только тому общественному строю, в котором экономическое, социальное, политическое и идеологическое господство принадлежит рабовладельцам — классу эксплуататоров, обладающих не только собственностью на средства производства, но и на работников (рабов), исключенных из гражданского общества и лишенных всех прав личности. Перечисленные признаки решительно отличают древний рабовладельческий строй не только от предшествующего первобытнообщинного, но и от последующего средневекового феодального. В более передовых феодальных обществах к концу средневековья отсутствовали все эти признаки; в более отсталых некоторые из них продолжали существовать как отмирающие пережитки. При более низких, чем в умеренном поясе, издержках на содержание раба и более высокой производительности его труда в условиях южного хозяйства рабство в странах Востока изживалось медленнее, и чем медленнее это происходило в той или иной стране, тем больше она отставала в своем последующем развитии.

Во всех древневосточных цивилизованных обществах господствовал рабовладельческий сектор, состоящий обычно из трех укладов: частного рабовладельческого, объединяющего те хозяйства, в которых преимущественно использовался труд рабов и других подневольных и зависимых тружеников; государственно-рабовладельческого, включавшего государственные и государственно-храмовые хозяйства, применявшие труд государственных рабов, других подневольных работников, а также свободных, отбывавших трудовую повинность; общинно-рабовладельческого, к которому относились сельские, городские и автономные храмовые и монашеские общины, имевшие в коллективной собственности рабов, во многих случаях члены таких общин имели и собственных рабов. Нерабовладельческий сектор составляли остальные три уклада: мелкотоварный, куда входили ремесленники и торговцы, работавшие без привлечения рабской рабочей силы; натуральный, включавший свободных тружеников, тоже не имевших рабов и никак не связанных с торговлей и постоянным обменом услугами, и первобытнообщинный, присущий автономным племенам и общинам, еще мало затронутым процессом классовообразования, которые населяли обычно окраины и труднодоступные районы государств.

Почти все члены общества, входившие в рабовладельческий сектор, даже если они не имели рабов в частной собственности, в той или иной мере были причастны к рабовладельческой эксплуатации. Одни были служащими государственного или храмового аппарата и их хозяйств, и все их жизненное благополучие зависело от того, насколько эффективно в них применялся труд рабов, другие же были членами коллективов, обладавших рабами, в какой-то мере тоже получали выгоду от использования рабов, будучи таким образом частично или косвенно рабовладельцами. В нерабовладельческом секторе только первобытнообщинный уклад был антагонистом рабовладению, но его роль постоянно падала, и он стоял как бы на обочине исторического развития. Те же, кто входил в другие два

уклада этого сектора, находились по отношению к рабовладельческому в подчиненном отношении. Ремесленники и торговцы обслуживали в первую очередь рабовладельцев; они, как и другие свободные хозяева, несли облегченные государственные повинности в той мере, в какой государственные работы и службы исполнялись рабами.

Весь строй жизни нерабов и нерабовладельцев в конечном счете определялся их отношением к рабству. Одни были ближе к господствующему классу, уже будучи частичными или косвенными рабовладельцами или стремились ими стать и были если не фактическими, то потенциальными рабовладельцами. Другие были ближе к рабам; будучи экономически не самостоятельными и вынужденными работать на других, они находились в различных состояниях неполноправия и зависимости — формах скрытого, частичного или потенциального рабского состояния. Опираясь на свое экономическое и социальное превосходство, на организованность и раньше чем у других социальных слоев, созревавшее чувство солидарности, класс рабовладельцев очень рано захватил гегемонию в политической сфере, в области идеологии и на свой лад определял право и мораль. Древние люди жили в обществе, где рабство пронизывало все его поры, где члены этого общества мыслили рабовладельческими понятиями и категориями в отношениях между собой, а рабство даже самими рабами считалось нормальным и естественным явлением.

Рабовладельческий способ производства был в труднейших условиях древности исторически необходимым, лучше других обеспечивавшим социальный и экономический прогресс общества — дальнейшее развитие технологического и общественного разделения труда (отделение умственного труда от физического), товарного производства и торговли, строительства общественно необходимых сооружений (дорог, каналов, храмов), и на этой основе — расцвет духовной культуры. Рабовладельческий строй господствовал во всех без исключения цивилизованных странах древнего Востока. Черты неповторимости и своеобразия были присущи каждой из них, но в главном и основном они были сходны.

Сторонники концепции «азиатского способа производства» указывают пять основных признаков, свидетельствующих, по их мнению, о существовании в странах древнего Востока этой формы общественного строя, а именно: 1) господство в древневосточном земледелии искусственного орошения; 2) строительство ирригационных систем как важнейшей функции государства; 3) государство — монополющий собственник земли, частная собственность на землю отсутствует; 4) общинное крестьянство — основной эксплуатируемый класс; 5) деспотическая монархия — единственная форма государства. Однако реальность и всеобщность этих признаков не подтверждается фактическим материалом.

Только в немногих из крупных регионов земледелие решающим образом зависело не от атмосферных осадков, а от разливов больших рек, да и то разливов естественных, а не создаваемых искусственно. В той или иной мере искусственное орошение использовалось во многих странах древнего Востока, но основой земледелия оно было, кроме Египта, только в Двуречье, Средней Азии и некоторых других районах. Естественно, что и роль государства в различных странах не могла быть одинаковой. Во всяком случае, ни в одной стране не было в государственном аппарате специального учреждения, которое ведало бы сооружением ирригационных систем или регулированием течения рек в масштабе всего бассейна.

Что касается земельной собственности, то неизвестна ни одна древняя цивилизованная страна, в которой государство на протяжении всего периода древности оставалось бы единственным собственником, а частная и общинная собственность на землю отсутствовали. Обычно существовал фонд земель, принадлежащих государству или царю, в результате успешных завоевательных войн или внутренних переворотов он мог резко воз-

расти, но в течение нескольких поколений частнособственнические и общинные отношения утверждались и на большей части этих земель.

Также нельзя согласиться с определением общинного крестьянства как основного эксплуатируемого класса. Термином «общинное крестьянство» в данном случае обозначаются совершенно разные в социальном отношении коллективы сельских тружеников, как об этом уже упоминалось ранее. Первобытные общины и сельские общины самостоятельных хозяев находились не в экономической, а в социально-политической зависимости от государства и платили: первые — дань; вторые — налог, если уплата его вообще имела место. Общины же земледельцев, пользовавшихся царской землей, платили ренту (ренту-налог); только этих последних и можно считать эксплуатируемыми государством. И неудивительно, что сторонники теории «азиатского способа производства» не могут определить эксплуататорского класса-антагониста, противостоящего «эксплуатируемому классу общинников». А классовое общество не может состоять из одного класса эксплуатируемых.

Деспотическая форма государственного строя действительно была широко распространена в странах Востока, но не являлась единственной. Республики существовали и на Востоке (в Индии, Сирии, Финикии, Карфагене), а восточные монархии не всегда были деспотическими. В древней Европе процесс развития государственных форм тоже шел от республик к монархиям, при этом Римскую империю времен домината можно считать не менее деспотической, чем многие монархии Востока.

До сих пор находит сторонников концепция господства на древнем Востоке после первобытного общества феодальных отношений. Поскольку в этих странах не обнаруживается господствующий класс крупных земельных собственников, обладающих сеньориальными правами и эксплуатирующих зависимых от них крестьян, то феодализму здесь приписывается особая форма. Основным свидетельством считают взимание государством поземельного налога со свободных общинников; распределение соборанных материальных средств между высшими государственными служащими рассматривается как одна из основных его функций. Однако и эта концепция нам представляется неприемлемой, так как в ней на первый план в качестве основного фактора, определяющего характер общества, выдвигается не главный, а производный. Суть дела ведь состоит не в сборе и распределении налогов, как бы это само по себе не было важно, а в отношениях между людьми при производстве того, что взимается в виде налогов, в производственных отношениях, и прежде всего в вопросе о собственности на средства производства. В результате игнорирования вопроса о частной собственности на основное средство производства при феодализме — на землю, оказывается, что в древневосточном феодализме в обоих вариантах (принадлежит ли земля общинам или государству), классу крупных земельных собственников — феодалов — не находится места. Государство же оказывается всего лишь организацией каких-то не имеющих определенного классового лица лиходеев, обирающих общинников и делящих добычу между собой.

Вообще значение налогообложения как формы перераспределения среди господствующего класса результатов труда производящей части общества слишком часто преувеличивается. Ведь государство вынуждено было нести обязательные расходы на нужды общества, куда входили организация обороны, охрана внутреннего порядка, общественные работы, образование резервных фондов, поддержание религиозного культа и др. Но даже то, что шло на содержание государственного аппарата, никак нельзя считать целиком непроизводительными расходами, поскольку аппарат управления был общественно необходимым. Большая часть государственных служащих — писцы, посыльные, складские и судебные работники, носильщики, стражники и пр. — получала заработанное своим трудом жалованье, служащим высших рангов полагалось большее жало-

ванье, поскольку исполняемые ими обязанности были более ответственными⁵.

Иногда (особенно за рубежом) феодальными отношениями называют систему пожалования государственным служащим права сбора в их пользу налогов как вознаграждения за службу. Но указанные пожалования представляли собой реализацию государством своих суверенных прав на территорию, а не собственнических прав на землю. Различие между землей как территорией и землей как средством производства всегда осознавалось древними, хотя терминологически в древневосточных языках (как и в русском) далеко не всегда строго воспроизводилось. Если получающий кормление не приобретал прав собственности на землю крестьян и те не оказывались по отношению к нему в той или иной степени экономической и социальной зависимости, то нельзя говорить и о феодальной эксплуатации. Уплата крестьянином получившему пожалование лицу части произведенной продукции как налога, отказанного в его пользу государством, или уплата ее как ренты собственнику земли могут быть внешне похожими, но экономически это совершенно различные вещи.

Вообще, земельные отношения на древнем Востоке были гораздо сложнее, чем полагают сторонники теорий «извечного феодализма» и «азиатского способа производства», и к отношениям между государством и общинным крестьянством отнюдь не сводились. Существовали разные формы частной собственности, аренда, издольщина, данничество, упомянутая выше система должностных пожалований, а также оплата работников царских и храмовых хозяйств в форме передачи им для обработки участков земли, различные виды внутриобщинной и патриархальной поземельной зависимости и т. д.

Одной из основных причин живучести рассмотренных теорий, как уже отмечалось ранее, является еще слабая изученность социальной и экономической истории древневосточных обществ. Показательно, что по вопросу о классовом характере античного общества, значительно лучше изученного, расхождений между советскими историками почти нет. Поэтому, при огромной пространственной и временной протяженности рассматриваемых обществ, при бесконечном многообразии условий и конкретных обстоятельств и особых трудностях источниковедческого характера постоянно возникает соблазн взять какое-нибудь внешнее явление, достаточно распространенное и лучше всего известное (чаще всего особенности государственного строя или даже только системы оплаты государственных служащих), объявить его главным и определяющим и сразу же решить все основные проблемы. Другой причиной является воздействие ряда устоявшихся ошибочных, с нашей точки зрения, оценочных представлений. Кроме перечисленных выше теорий, следует указать на упрощенное представление о рабовладельческом обществе. Считается само собой разумеющимся, что в феодальном и капиталистическом обществе антагонистические классы являются структурообразующими элементами, но отнюдь не единственными и даже не всегда численно преобладающими. Однако наличие многочисленных социальных слоев иных, чем рабы и рабовладельцы, в древнем обществе часто объявляется достаточным для отрицания его рабовладельческого характера.

Особенно это относится к общинному крестьянству. Почему-то представляется необычным, что в классовом обществе могут быть большие общественные группы трудящихся, не подвергающихся эксплуатации. А между тем в условиях древнего общества их существование не только

⁵ Кого можно причислить к правящей верхушке, в какой мере их жалование было чрезмерным, и действительно ли на эту часть жалования высших служащих приходилась значительная часть государственных расходов,— всякие соображения на этот счет основываются пока только на предположениях.

возможно, но и неизбежно. Рабовладельческое общество возникает не вдруг, и свободные труженики не все превращаются в рабов. Свободные полноправные сельские общинники, даже не имевшие в личной собственности рабов, являлись экономически самостоятельными хозяевами и были связаны с господствующим классом многими этническими, племенными, социальными и религиозными узами, общей заинтересованностью в сохранении внутренней стабильности, поддержании законности и порядка (обеспечение собственности, безопасности, деспотической власти в семье), в защите от внешней опасности, — а следовательно, и в прочности государства. Несение такими общинниками налоговых и прочих повинностей было исполнением ими естественных и неизбежных гражданских обязанностей, а вовсе не следствием их классовой угнетенности, так как налоги платили и рабовладельцы: как раз многие труженики, — например, рабы и наемные работники, — налогов не платили. Размеры налогов и формы их взимания были, правда, причиной постоянных столкновений интересов, улаживавшихся далеко не всегда только мирным путем. Уж если в самом господствующем классе вспыхивали частые междоусобицы, то между разными общественными слоями по такому важному вопросу тем более. Общинники далеко не всегда безропотно платили все, что государство от них требовало. Необычные, а тем более разорительные поборы часто вызывали активное противодействие вплоть до восстаний и гражданских войн. Все же в конце концов достигался какой-то компромисс в соответствии с реальным соотношением сил и тем обстоятельством, что государство и община нуждались друг в друге. История показывает, что наличие многочисленного крепкого полноправного крестьянства в течение очень долгого времени было основой внутренней и внешней прочности рабовладельческого государства.

Налоговые поступления всегда (и не только на древнем Востоке) расходовались в соответствии с интересами господствующего класса, но для того, чтобы это стало возможным, должно предварительно появиться само государство, общество — уже разделиться на классы, а следовательно, должна возникнуть и основная определяющая форма эксплуатации. Присвоение какой-то части налоговых поступлений господствующим классом является лишь следствием его уже утвердившейся политической, экономической и идеологической гегемонии, а не причиной этой гегемонии.

Государства на древнем Востоке возникали по мере оформления классовых обществ, органы племенного управления переживали процесс трансформации в течение многих веков. Постепенно теряло свое значение племенное народное собрание, прежде выборные должности становились наследственными в самых сильных, а значит и знатных родах, добровольные взносы рядовых общинников на нужды управления и культа становились принудительными поборами. Возникновение и развитие государства было исторически обусловлено потребностью гражданского общества в органах власти — управления и принуждения. За руководящее положение в государстве всегда велась ожесточенная борьба, в конце концов власть оказывалась в руках экономически господствующего класса, который и управлял государством в своих интересах как непосредственно, занимая ключевые должности, так и через своих ставленников. Вследствие постепенности этого процесса, сохранения многих родо-племенных институтов, изменивших свою сущность, но сохранивших прежние названия, обычно невозможно точно определить время возникновения государства в том или ином обществе. Известно только, что это был весьма разновременный процесс. Так, в долине Нила уже в конце IV тыс. до н. э. произошло объединение Верхнего и Нижнего Египта в одно мощное царство, поэтому возникновение самых ранних номовых государств может быть отнесено к середине IV тыс. до н. э. К тому же времени (или немного более позднему) можно отнести возникновение первых государств в Шумере. А на крайнем Дальнем Востоке (Корея, Япония)

и в Юго-Восточной Азии государства возникают только к концу древности. На огромной же территории степной и лесной зон Северной Азии, а также в экваториальной зоне государства возникали уже за пределами древности.

В большинстве случаев государство сразу же принимало форму монархии; иногда же возникновению монархии предшествовал более или менее длительный период республиканского правления. Во многих случаях очень долго сохранялись пережитки военной демократии в виде совета знати, собрания воинов, сохранения более или менее гласных контрольных функций у жречества — номинального представителя племенных божеств. В других же случаях, особенно в странах, где государство играло более важную роль в экономической жизни, монарх с самого начала наследовал обязанности военного вождя, верховного жреца и судьи. При этом на него переносились древнейшие представления о священном характере особы вождя, воплощающей жизненные силы народа, носителя благополучия страны, живом божестве. Так было, например, в Египте. Эта особенность его государственного строя, к тому же сильно преувеличивавшаяся, была издавна известна в Европе и в немалой мере способствовала возникновению ошибочного мнения, будто все монархии древнего Востока были деспотическими. Распространенное представление о теократическом характере древневосточных государств также не подтверждается фактами. Если под теократией понимать форму правления, при которой главой государства является первосвященник, а экономическое господство и политическая власть находятся в руках служителей культа, то таких вполне суверенных государств в древности вообще не существовало; они появляются только в средние века, причем самый ранний и характерный пример мы находим не на Востоке, а в Европе (Папское государство). В восточных странах в различные периоды их независимого существования роль жречества могла быть или более или менее значительной, но случаев его политического и экономического господства нам не известно.

Особенностью жизни и быта древнего общества была обычность войны. Еще от времен господства охотничьего хозяйства сохранилось представление о законности приобретения жизненных средств силой, а захват добра, нажитого иноплеменниками (как и их самих), считался одним из видов промысловой деятельности, опасной, но в случае успеха избавляющей от тяжелого труда. Со временем все большее значение приобретало обеспечение военным путем политических интересов (расширение подвластной территории, обеспечение безопасности торговых путей, решение династических распр и пр.), но успешное военное ограбление других народов всегда считалось высшим проявлением доблести государей и знати.

Тенденция к образованию все более крупных государств, определяемая экономическими и политическими причинами, проявлялась с самого начала их существования, но только во II тыс. до н. э. самые мощные государства (Египет, Вавилония, Хеттское царство) пытаются распространить свою постоянную власть за пределы естественных границ. В I тыс. до н. э. появляются первые империи, возникшие в результате насильственного объединения в государственный целый самых разнородных и отдаленных друг от друга территорий (Ассирийская и Персидская державы). Первые века н. э. ознаменовались длительным одновременным существованием четырех империй — Римской, Иранской (Парфянской и Сасанидской), Кушанской и Ханьской. Каждая из них была результатом объединения военным путем многих племен и народов, часто совершенно несхожих по языку, культуре, религии и образу жизни. Но представление об эфемерности древних империй сильно преувеличено; в длительности своего существования они не уступают средневековым и явно превосходят империи нового и новейшего времени. Основным благоприятствующим обстоятельством явилось то, что в рабовладельческом обществе к концу древности классовая солидарность господствующих слоев общества в разных стра-

нах все чаще берет верх над местничеством. Длительное и прочное существование древних империй было возможно только на основе постоянно действующей взаимной экономической и политической заинтересованности и компромисса в той или иной форме между господствующей народностью и знатью подчиненных. Поэтому во многих случаях последние сохраняли некоторую автономию. Но даже если создавалось относительно централизованное управление, то провинциальная администрация неизменно состояла из местной знати. Когда империя вследствие внутренних междоусобиц или внешнеполитических неудач разваливалась, то распадалась она обычно на те же части, из которых первоначально составлялась.

В древнем рабовладельческом обществе противоположность между основными классами проявлялась самым очевидным образом, однако она не сопровождалась соответствующим конфликтным противостоянием в политической жизни. Причинами этого были резкие различия в положении разных групп рабов, мешавшие им понять общность их интересов, и весьма тяжелые условия работы и быта для большинства из них, отуплявшие и подавлявшие их способность к сопротивлению. Поэтому самостоятельные активные выступления рабов случались не часто и уже совсем редко оказывались успешными; к тому же они не носили характера борьбы против рабовладения, так как основным стремлением рабов было поменяться с хозяевами местами. Чаще встречались такие приемы борьбы, как индивидуальный террор или побеги и создание разбойничьих шайк.

И все же во всех известных нам древневосточных обществах кипела постоянная и напряженная социальная борьба, принимавшая самые различные формы, и не только между поработенными и поработителями, но и между бедными и богатыми, привилегированными и бесправными, господствующими народами и покоренными, между различными фракциями господствующего класса: знатью и незнатными богачами, аристократией и служилой знатью, жречеством и военной знатью, центральной властью и местными сепаратистскими группировками, а также между борющимися за власть различными кланами, объединявшимися в силу преходящих обстоятельств. Борьба велась за рабов, за землю, воду, территорию, за политическую власть и формы ее организации, за долю государственных доходов, за выгодные и престижные должности в государственном аппарате и пр. И все это происходило в условиях временного замедления в развитии одних народов и ускорения других, что способствовало обострению отношений между ними, этническим передвижениям, войнам и частым изменениям в международной политической обстановке. Темпы исторического развития в древности были более медленными, чем в последующие эпохи. И все же весьма живучее представление о скованном традициями и вечно застойном древнем Востоке должно быть отброшено как ошибочное и возникшее еще тогда, когда научное изучение его только начиналось.

В процессе изменения общественных отношений происходили и важные изменения в области идеологии и прежде всего в религии. Рабовладельческое общество унаследовало веру первобытных людей в то, что жизнь человека и природы определяют сверхъестественные силы, веру в богов как вершителей человеческих судеб, анимистические, магические и тотемистические воззрения, идолопоклонство, жертвенную и бытовую обрядность, культ предков и т. д. В условиях новых производственных возможностей и роста материального благосостояния религиозный культ стал пышнее, приношения богам и предкам — щедрее, возводятся огромные архитектурные сооружения — храмы, зиккураты, пирамиды, ступы и пр. Для исполнения усложнившегося богослужения возникает профессиональное жречество. Еще более важным было изменение социального характера религиозных верований. Основным во всех классовых обществах стало освящение общественного неравенства, объяснение его как не зависящего от людей божественного установления; привилегированное поло-

жение одних и приниженное положение других объявлялось угодным богам, поэтому всякая попытка изменить существующий общественный порядок оказывалась не только преступлением, но и грехом. Освящалось государство как данный людям самими богами институт; безусловное повиновение высшим носителям государственной власти как богам в человеческом облике или ставленникам богов объявлялось главным долгом человека. Ради этого перетолковывались мифы, сочинялись фантастические родословные правящих династий с целью вывести их происхождение от богов или мифических героев, менялась и приспосабливалась к новым условиям обрядность. Результатом развития рабовладельческих отношений и его влияния на культ явилось постепенное и повсеместное изживание практики человеческих жертвоприношений, что имело огромное прогрессивное значение.

В древности отсутствовало представление об истинных и не истинных религиях. Всякая страна и племя имели своих божественных покровителей; в многоплеменных государствах со временем складывалась иерархия богов главных и подчиненных, благодетельных или враждебных, но все они были истинными, а не ложными. Власть того или иного бога считалась действительной только на определенной территории, и покровительствовали они только определенному народу. Поэтому древним были несвойственны навязывание своей религии другим народам или религиозная нетерпимость; древний Восток не знал ни войн, ведущихся ради обращения в свою веру других народов, ни чего-либо подобного инквизиции. Долгое время в древних религиях господствовало многобожие, племенная исключительность, многообразие культов; поэтому способность этих религий распространяться в иноплеменной среде была ограниченной, так же как способность воздействовать на рабов и других подневольных тружеников. Но постепенно слабеют родо-племенные связи в социальной структуре и в сознании, на первый план в оценке человеческой личности выдвигается не происхождение, а фактическое положение человека в обществе. Около середины I тыс. до н. э. там, где возникают крупные государства, объединявшие многие различные племена и народности (в Китае, Индии, Иране), возникают религии надплеменные, обращенные к людям независимо от их происхождения (родового или этнического), выражающие идеологию развитого гражданского общества (конфуцианство, даосизм, буддизм, джайнизм, зороастризм). В них на первый план начинают выдвигаться морально-этические проблемы — место человека в мире, отношение к обществу и другим людям, понятие о добродетели и грехе как моральных категориях, представление об аде и рае, о посмертном воздаянии. В I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи возникает христианство — религия такого же рода, сплав верований различных народов и религиозно-философских эллинистических учений.

Примерно с III в. н. э. начинают обнаруживаться признаки застоя и кризиса в развитии древневосточной и античной цивилизаций. Внешне это проявлялось в общем упадке политической и экономической стабильности: в распаде Ханьской, Кушанской и Парфянской, а в следующем веке и Римской империй, в усилении натиска со стороны племенного мира, в ослаблении международной и внутренней торговли, в обеднении городов, в уменьшении доли драгоценных металлов в денежном обращении.

Основные особенности рабовладельческой эксплуатации, проистекающие из того, что раб не был собственником своей рабочей силы и результатов своего труда, — возможность неограниченного и оперативного использования хозяином рабского труда и всех его результатов — обеспечили ей широкое распространение в древности. Но по мере развития производительных сил выгоды подневольного труда все более отступали перед главным его недостатком — незаинтересованностью работников в результатах своего труда, необходимостью в постоянном и тщательном контроле. Наличие наряду с классическим рабством и других его форм, более

гибких и более приспособленных к разнообразным конкретным условиям производственной деятельности, а также и неполных форм подневольной зависимости, объясняется не только сопротивлением рабов, но и стремлением рабовладельцев ослабить эффект указанного недостатка рабского труда.

С подъемом всего уровня производства на основе технических усовершенствований (особенно в металлургии и металлообработке), накопления опыта, разделения труда, росла потребность в работнике более ответственном и инициативном. При плужном земледелии и искусственном орошении с выращиванием риса, хлопка и г. п. и культивировании чая, винограда, садовых культур сахарного тростника, разведением тутового шелкопряда требования к работнику были иными, чем при мотыжном земледелии с выращиванием ячменя, проса и полбы; уход за лошастью нужен был иной, чем за овцами и козами; в ремесле рос удельный вес производства сложной по изготовлению продукции (оружия и доспехов, расшитых тканей и ковровых изделий, разнообразной мебели, художественной керамики, сложных предметов культового назначения, украшений, резных изделий из камня, кости, дерева и т. д.); разными были требования к работникам, занятым на зернотерках и на водяных мельницах, на переноске ручной клади и на перевозке грузов в качестве кучера или на судах в качестве матроса и т. д. Все это меняло соотношение между трудом работника-двигателя и работника-творца в пользу последнего. Необходимые принуждение и контроль все более усложнялись, и рабский труд все менее оправдывал себя.

Постепенно на первый план выдвигаются формы эксплуатации, оставляющие рабам некоторые возможности самостоятельного хозяйствования. Все чаще имеет место перевод рабов на пекулий, намеренный отпуск рабов на свободу с наложением на вольноотпущенников тех или иных оброчных обязательств. Посаженные на землю государственные и храмовые рабы, а также частные рабы, ведущие индивидуальное хозяйство или переведенные на оброк, в условиях имперских завоевательных войн и этнических перемещений часто оказывались в подчинении у других хозяев с другими интересами; первоначальное положение таких рабов иногда существенно менялось и теряло прежнюю определенность. Вместе с кабальными вольноотпущенниками, свободной беднотой, оказавшейся в полурабской зависимости, все эти слои образовывали сложную массу трудового населения, классовое лицо которой и в целом и в частях бывает очень неясным. К концу древности только в непосредственном услужении удельный вес рабского труда остается на высоком уровне, в сфере же материального производства он постепенно падает, хотя применение его, иногда в значительных размерах, имело место и за пределами древности.

Если рабовладельческая эксплуатация основывалась на непосредственном присвоении личности труженика, то постепенно ведущей становится эксплуатация на основе собственности на природные предметы и условия труда и в первую очередь на важнейшее из них — землю. Все большее значение приобретают аграрные отношения. Частная собственность на землю складывалась постепенно в течение многих веков и тысячелетий, несравненно медленнее, чем собственность на орудия труда и на человека. Процесс этот тормозился двумя взаимосвязанными обстоятельствами: во-первых, глубоко укоренившимся представлением, что земля не может быть ничьей собственностью, так как она сотворена богами, принадлежит им и передана людям только в пользование, и во-вторых, непреложным принципом общинного строя: с одной стороны, собственником участка общинной земли мог быть только общинник, а с другой, — каждый общинник имел право на участок общинной земли. Поэтому быстрее возникала частная собственность на землю, захваченную у неприятеля, или на непродуктивную землю, освоенную общинником. Но постепенно земельные отношения становятся все менее стабильными. В результате внутренних

распрей или вторжения завоевателей одни землевладельцы погибали, другие изгонялись, третьи лишались земли и оказывались на положении данников или даже илотов. Затем следовали новые междоусобицы или новые вторжения, земельный фонд снова перераспределялся, условия господства и зависимости еще более усложнялись. Основной же тенденцией было развитие частнособственнических отношений даже в общинах более или менее прочных. В них укрупнение и обособление земельной собственности происходило долгое время под видом фиктивного или действительного породнения, патроната и т. д. Но постепенно возникает и продажа земли, сначала внутри общины, а потом и за ее пределы. Собственники более крупных участков, не могущие обработать его своими силами или с применением рабов, очень рано начинают использовать труд зависимых сородичей или обедневших сограждан; возникает и практика сдачи земли в аренду. Это еще не была феодальная эксплуатация, так как она основывалась главным образом на внутрисемейной и внутриобщинной зависимости. Но чем ближе к исходу древности, тем более слабели внутрисемейные связи, определялось и укрупнялось частное землевладение — земельные магнаты различными средствами добивались сеньориальных прав и ставили земледельцев в личную от себя зависимость. При упадке рабства эксплуатация на основе собственности на землю приобретала все более явный феодальный характер.

Очевидным показателем изменений, происходивших в характере общества, является и сдвиг в общественном сознании относительно рабства. Проблема рабства приобретает самостоятельное значение, тогда как до этого она не выходила за рамки обычных имущественных отношений. Раб все чаще начинает рассматриваться как человек, а не только как разновидность движимого имущества. Государство начинает пытаться ограничивать обращение в рабство и производ господина, облегчать отпуск рабов на волю. Возникают даже представления о негуманности рабства и имеют место попытки законодательной отмены этого социального института. Принципиальные изменения происходят и в сфере религиозных представлений. Новые религии — буддизм и христианство, отрицавшие этнические различия и племенную исключительность, к концу древности (а в начале средневековья к ним присоединился и ислам) начинают распространяться по всему цивилизованному миру. Проповедовавшие в этих «мировых религиях» несвойственные рабовладельческому обществу идеи равенства всех верующих перед богом и равного их права на счастье (правда, не в этой жизни, а в загробной), являлись религиозной санкцией признания человеком и раба, а не только его господина. Эти религии с их признанием сущностного единства всего человечества более соответствовали условиям общества, в котором преобладал труженик-гражданин, а не человек-вещь, поэтому они постепенно оказывались все менее совместимы с рабством.

По мере того как изживались наиболее грубые формы господства и подчинения, повышается роль религии как средства идеологического воздействия на массы. Поэтому укрепляются несвойственные древним религиям догматизм и мистицизм. Широкое распространение приобретают мессиянские и эсхатологические учения, бывшие отражением в религии общественного и духовного кризиса рабовладельческого общества. Материалистические воззрения встречают все более активное противодействие со стороны священнослужителей и сторонников последовательных религиозно-философских учений; основной задачей идеалистической философии становится защита и наукообразное обоснование религиозных верований.

Государство начинает все активнее и целенаправленнее использовать в своих интересах религию и ее служителей. Оно вмешивается во внутренние дела религиозных общин, помогает бороться против расколов и ересей, содействует организационной сплоченности священнослужителей, оказывает им постоянную помощь. Меняется роль служителей культа:

из простых профессиональных исполнителей религиозных обрядов они все более превращаются в духовных наставников народа, его пастырей. Происходит кодификация и канонизация священных писаний, выработка догм, основ вероучения и организационных принципов. Важным явлением было возникновение монашества; монастыри со временем становятся основными центрами богословия, опорными пунктами религиозной пропаганды, а монахи — наиболее последовательными проводниками господствующей идеологии. В разных странах упадок рабовладения и процесс феодализации протекали неодинаковыми темпами и в различных формах. Социальные потрясения, которые сопровождали их, также были различны по характеру и масштабам.

Итак, с древностью закончился исключительно важный период истории. Человечество в тяжких трудах, преодолевая неисчислимые препятствия, вырвалось из состояния варварства. Оно создало неизвестные ранее орудия труда, резко подняло его производительность, развило технологическое и создало общественное разделение труда, накопило огромный производственный опыт, заложило основы наук, создало разнообразные и процветающие искусства и литературы. В отношениях между людьми и народами все более утверждаются принципы гуманности, что проявилось в возникновении гражданских отношений, государственности, междуна-
родного права.

В течение многих веков и даже тысячелетий народы Востока шли в авангарде человечества и были учителями европейцев. С Востока в Европу передавались технические и научные познания, производственный опыт, письменность, социальные и государственные теории и практика, научные и религиозные идеи. Без предшествующего существования этого могучего источника быстрый расцвет культуры античного общества с середины I тыс. до н. э. был бы невозможен. Имеется достаточно доказательств того, что древние европейцы эту роль Востока хорошо понимали, и одно из них — это стойкое представление древних греков о том, что многие из наиболее чтимых мудрецов (Ликург, Солон, Пифагор, Эпикур, Демокрит и др.) посещали страны Востока со специальным намерением ознакомиться с достижениями восточной культуры. О народах Востока еще в средневековой Европе сохранялось представление как о носителях высшей мудрости.

С середины I тыс. до н. э. античная культура начала оказывать все более усиливающееся обратное воздействие на восточных и южных соседей. На этот благотворный процесс взаимного обогащения тормозящее действие оказали Греко-персидские войны. Двойственный характер имели завоевательные войны греко-македонян и римлян. С одной стороны, они ослабили взаимную отчужденность народов, оказавшихся под властью одних и тех же завоевателей, и невольно способствовали их более тесному общению и ознакомлению с достижениями античной культуры. С другой, — отчуждение, неизбежно возникающее между населением подвергшихся завоеванию восточных стран и незваными пришельцами, установившими свое привилегированное положение системой политических мер, не только препятствовало их слиянию в единые народности, но и мешало культурному взаимодействию. В результате почти тысячелетняя эллинизация и романизация оказались верхушечными, быстрый упадок греко-римских культурных элементов в странах Ближнего Востока после арабских завоеваний VII в. явился следствием этого.

Существовали самые различные типы древних цивилизаций, сформировавшиеся в зависимости от множества обстоятельств самих несходных. Имело значение все, причем природные факторы играли тогда гораздо большую роль, чем теперь: равнинная страна или горная, приморская или континентальная, холодная или жаркая, влажная или засушливая, имеет труднопроходимые естественные рубежи или открытые для общения с другими народами. Страны различались по удельному весу в их эконо-

мике земледелия, животноводства, ремесла и торговли; при этом земледелие в них могло основываться на искусственном орошении или на естественных разливах рек либо зависеть только от атмосферных осадков; животноводство могло быть кочевым, отгонным или оседлым; в одних случаях государство играло важную роль в экономической жизни страны, в других она была незначительной; иногда огромное значение имели храмовые хозяйства, а иногда их вовсе не было; товарное производство в одних случаях было развито значительно, в других очень слабо.

В социальной структуре большую или меньшую роль играли рабство, община, сословно-кастовое деление: и господствующим и угнетенным классам, так же как и промежуточным общественным слоям, были присущи бесчисленные местные особенности. Неодинаковы были типы государства: среди них были демократии и деспотии, республики и монархии с разной степенью единовластия. Чрезвычайно разнообразны были религии по уровню религиозного мышления, основам вероучения, формам культа и обрядности, церковной и общинно-религиозной организации. Древнего Востока как чего-то единого в этническом, экономическом, социальном, культурном или идеологическом отношении никогда не существовало. Различия между отдельными восточными странами были зачастую не менее существенными, чем между ними и странами, расположенными в совсем других географических регионах.

Противопоставление Запада (Европа) и Востока (Азия и Африка) как антагонистов возникло только в средние века и обязано тому историческому обстоятельству, что в Европе распространилось христианство, а в странах, близких к ней с юга и востока, — ислам. Войны между ними, в новых исторических условиях получавшие обычно религиозную санкцию, способствовали постепенному отчуждению соседних инакововерующих народов. В новое время такое отчуждение и противопоставление закреплялось в результате колониальной политики европейских держав.

В древности дело обстоит иначе. Конечно, и древним людям были не чужды переоценка достоинств своего образа жизни и пренебрежительное отношение к чужакам, особенно к побежденным; и они замечали различия во внешнем облике между жителями различных стран, но этим различиям, так же как и различиям в языке, культуре и даже религии, не придавалось большого значения. Расистские же воззрения в древности были совершенно неизвестны. Между античными и восточными народами каких-либо чувств взаимной неприязни на основе этнической или культурной несовместимости не было. Это доказывается многими фактами; как на наиболее очевидные можно указать на быстрое распространение восточной религии — христианства — именно в Европе, а также на многовековое существование эллинистических государств, а затем Римской и Византийской империй, в состав которых входили как европейские, так и восточные страны и этнические элементы.

Дата 395 г., когда произошел окончательный распад Римской империи, как время окончания древности, конечно, условна. Практически правильное говорить о целом периоде перехода от древности к средневековью — между III и VII вв. н. э. Распад древних империй, великие переселения народов, широкое распространение «мировых религий» — внешне наиболее заметные события этого периода. Но он был подготовлен длительным предшествующим изменением социальных условий и в первую очередь упадком рабовладельческих отношений и укреплением феодальных. Длительность переходного периода объясняется неравномерностью происходивших процессов, имевших причиной бесконечное разнообразие конкретных местных и временных условий.

В тех странах, где цивилизация возникла в самом конце древности или уже в средние века, рабство некоторое время еще могло развиваться по восходящей линии, но приходило в упадок и занимало подчиненное положение, быстрее, чем в древних странах. В этих же последних элементы ра-

бывладельческих отношений иногда продолжали сохраняться долго и после VII в., а в географически и исторически изолированных и отсталых районах их окончательное изживание задерживалось иногда до XX в.

Данные, накопленные к настоящему времени исторической наукой, показывают, что страны Азии и Африки, расположенные в субтропической зоне Восточного полушария, вследствие раннего развития в них рабовладения были передовыми в течение почти всего периода древности, и только к концу ее к ним начали подтягиваться страны юга Европы. Уровень экономического развития тех и других, формы общественных отношений, политического строя и идеологии сближались независимо от географического местоположения: Греция и Финикия больше походили друг на друга, чем первая на Скандинавию, а вторая на Тибет; Римская и Ханьская империи были более сходны между собой, чем первая со Скифией, а вторая со страной гуннов.

Именно в тех древних обществах, в которых рабовладельческие отношения преобладали особенно долго, а базисные и надстроечные явления спаялись особенно прочно, отмирание рабовладения и переход к феодализму происходили замедленными темпами. К концу средневековья их отставание от передовых стран Европы, где эти процессы происходили быстрее, вполне определилось. Рабство обеспечило цивилизованным странам Востока авангардную роль в древности, оно же явилось причиной их отставания в средние века. Продолжающееся применение в значительных размерах рабского и подобных ему форм труда, все еще бывших достаточно эффективными в условиях юга, тормозило технический прогресс и совершенствование производства, сковывало социальное и культурное развитие восточных стран. В таком ходе истории ничего необычного нет, и для объяснения причин отставания Востока к началу нового времени нет необходимости выискивать какие-то сокровенные особенности, присущие только странам Востока или только странам Европы, будто бы принципиально отличающие их от всего остального человечества. Не было какого-то особого Востока или особого Запада, а было единое человечество, развивающееся по общим для всех закономерностям в полном соответствии с историко-материалистическим положением об единстве исторического процесса при громадном разнообразии проявлений этого единства⁶.

ANCIENT ORIENTAL SOCIETY
(AN ATTEMPT TO DEFINE THE
SOCIAL FORMATION
TO WHICH IT BELONGS)

G. F. Il'in

The doctrine of the five social and economic formations has been much attacked by foreign and Soviet historians for its theory of slavery as the decisive feature of ancient society, especially insofar as the Orient is concerned. The author defends this theory and rejects as completely inconsistent the criterium according to which what matters is only the relation of the number of slaves to that of the free population. He proposes to use eight features which distinguish the ancient slave owning society both from the primitive clannish society which preceded it and the medieval feudal society which succeeded it. All the ancient civilised societies did have these features. The most advanced feudal societies lacked them towards the end of the Middle Ages, while in less developed ones some of

⁶ За все изложенное выше отвечает только автор, но система его взглядов сложилась у него не только на основе изучения им общественных отношений в древней Индии, но и в результате ознакомления с исследованиями многих историков других специальностей — как предшественников, так и современников, как единомышленников, так и оппонентов. И если он с благодарностью их здесь не перечисляет, то только из опасения кого-нибудь попустить.

these features remained *qua* disappearing survivals. The slower slavery was overcome, the more this or that country lagged behind in its development.

Social relations in ancient times, particularly those based on slavery, were much more complex and diverse than the first Soviet proponents of the theory of the slave-owning character of ancient society had imagined. They tended to exaggerate some features and to oversimplify others. But this theory alone answers the fundamental questions raised by the history of Antiquity: what distinguishes it from the Middle Ages? what is the class character of ancient oriental society? what is its relation to classical antiquity? for what reasons did the oriental countries lag behind Europe in the Middle Ages? why did «world religions» spread so widely in the Middle Ages, and not in Antiquity? etc. This is the reason of the vitality of this theory. No better one has been devised as yet to supersede it.